

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

Ю.П. Михаленко

ТЮРГО: НАИВЫСШИЙ ВЗЛЁТ АКТИВНОСТИ ФИЛОСОФОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII ВЕКА. Часть 3 (окончание)

Аннотация. Тюрго стал завершителем социальной и экономической программы буржуазных новаторов, развивавших в условиях перезревшего феодализма буржуазные взгляды. Новаторы действовали в рамках французского просвещения. Они подготовили идеологически революцию 1789 года. Тюрго поднял до наивысшего уровня экономическую теорию физиократического направления, предвосхитив в ряде отношений учение Адама Смита, в частности — в подходе к началам трудовой теории стоимости, в характеристике взаимодействия и круговорота национальных капиталов в сельском хозяйстве, торговле, ссудном деле и прочем. На посту министра финансов Тюрго решительно внедрял в жизнь рыночные меры свободы предпринимательской деятельности, преодолевая сопротивление адептов старого режима. В полемике между королём Людовиком и его министром финансов Тюрго по поводу проекта административной реформы обрисовалась расстановка классовых сил в предреволюционный период. После отставки Тюрго реакционеры поспешили ликвидировать все начатые им реформы. Революционеры 1789 года подхватили идеи Тюрго и проводили их в жизнь. Маркс недаром охарактеризовал Тюрго как великого человека, имея в виду как его административную деятельность, так и его социальную и экономическую теорию. Тюрго и сейчас, в современной России, своими трудами помогает нам постигать непростые процессы рыночной экономики.

Ключевые слова: философия, Людовик XVI, Гурнэ, капитал, фермер, купец, ростовщик, банкир, Лютер, Данте, труд.

Вернёмся к сути экономической теории французского мыслителя. Мы, следуя за его логикой, достигли того пункта, когда предприниматель рассчитывает, как всего хитрее распорядиться своим капиталом, не проиграть, а выиграть в мире конкурентной борьбы с другими капиталистами, которые для него одновременно и контрагенты — соратники, и противостоящие ему соперники. Это соотношение непрерывно колеблется в ту или иную сторону в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Прежде всего, Тюрго замечает, что условия деятельности каждого предпринимателя обусловлены объективными обстоятельствами, зависят от сферы деятельности. Но всегда они требуют авансов, то есть предварительных затрат. И приходится надеяться на возвращение этих затрат, да ещё с лихвой, с прибылью, оправдывающей эти авансы. Капиталисту, например — на своей

фабрике, приходится платить зарплату своим рабочим, чтобы не потерять их. Далее он ждёт, когда изделия его фабрики будут проданы на рынке. И он дожждётся, когда эта продажа возместит ему все его авансы, да к тому же «даст достаточную прибыль», не меньшую «той, какую принесли бы ему деньги, если бы он употребил их на покупку участка земли. Кроме всего этого, он должен получить заработную плату за свой труд, за свои заботы, свой риск и даже за своё искусство; ибо несомненно, что при одинаковой прибыли он предпочёл бы жить совершенно не трудясь, на доходы с земли, которую мог бы приобрести на тот же капитал. По мере того как этот капитал возвращается к нему через продажу его произведений, он употребляет его на новые покупки, чтобы питать и поддерживать свою фабрику этим постоянным обращением: он живёт на свои прибыли и откладывает то, что может сберечь, для приращения своего капитала

и для использования на своём предприятии, увеличивая массу своих авансов, дабы ещё увеличить свои прибыли»¹.

Вот здесь Тюрго становится на голову выше тех физиократов, которые ему предшествовали. Кенэ отдавал предпочтение, приоритет фермеру по сравнению с иного рода предпринимателями. У Тюрго же капиталисты во всех сферах деятельности равно стремятся к расширенному воспроизводству. И в этом смысле они равноправны. От их труда нация богатеет по мере того, как они сами обогащаются. Страсть к наживе становится типичным движущим стимулом существования.

Но всё же сельское хозяйство не лишено известной специфики. И Тюрго указал как на сходства, так и на различия работы капиталистов в сельском хозяйстве и в других сферах деятельности. Общее в том, что и в земледелии успешные предприятия «могут существовать, лишь расширяясь и принося прибыль не иначе, как посредством крупных авансов». Они необходимы на случай временных неудач и для усиления своих позиций в конкурентной борьбе. В сельском хозяйстве авансы особенно настоятельны ввиду возможных стихийных бедствий — засух, наводнений и прочего. Так — что и в сельском хозяйстве для руководства предприятием требуются осмотрительность и предвидение. «Их участь должна быть схожей с участью предпринимателей — фабрикантов». Требуются крупные авансы для аренды земли, покупки рабочего скота и многого другого. Как и фабриканты, предприниматели — аграрники должны заботиться о том, чтобы вернуть не только все авансы и свою зарплату, цену своего риска, да ещё получить прибыль для расширения производства. Всё это входит в цену годового продукта обрабатываемой фермером земли. Излишек идёт на уплату ренты собственнику земельного участка.

Следует заметить, что здесь, как и в других областях, действует закон соотношения спроса и предложения: конкуренция между арендаторами «устанавливает текущую цену их аренд» на данный год в соответствии с плодородием почвы и продажной ценой производимой ею продукции. Но вот Тюрго вводит новое обстоятельство. Пусть конкуренция между фермерами, желающими взять в аренду какой-либо участок земли, достигает особенной остроты, и тот, кто получит данный участок в аренду, вынужден отдавать

собственнику земли «весь свой избыток»². Такое положение может оставить арендатора без дохода в текущем сельскохозяйственном году, без расширенного воспроизводства, что заставит бедного растратить всё, что он хранил в резерве. Если такие несчастья будут случаться с нищающим фермером несколько лет подряд, то этот процесс способен вести к вымыванию фермеров в какой-либо провинции, к деградации сельского хозяйства, замене фермеров — капиталистов колоннами, половниками — мелкими производителями, не способными нести крупные издержки по совершенствованию агрикультуры. В этом случае уже сам собственник земли вынужден вносить авансы на текущий сельскохозяйственный год для поддержания производства. Если ещё и собственник беден, то хозяйствованию на его земле приходит конец, она остаётся заброшенной.

Подобную картину в России можно было наблюдать после плохо продуманных аграрных реформ в достопамятные времена Ельцина. Тогда в одночасье были ликвидированы совхозы и колхозы, кормившие страну в годы советов. При переходе к рыночным отношениям все бывшие советские трудящиеся в сельской местности — крестьяне — работники на земле, а равно бюджетники (врачи, учителя и прочие) были по закону наделены земельными паями. В 1992 году пай получили 112 миллионов селян. Один пай эквивалентен 11 га земли. Но у крестьян не было денег на ведение хозяйства — в силу гиперинфляции. В результате из 112 миллионов пайщиков в благополучные фермеры выбились лишь 4%. Крепкие хозяйства сохранились в Поволжье, на юге и в ряде других мест. В современной России 402 миллиона га сельскохозяйственных угодий. За последнее время треть плодородной земли выведена из оборота и зарастает сорняками и мелколесьем или используется не по назначению, попала в руки земельных спекулянтов³.

Вернёмся к Тюрго. Он указывает, что положение во французских провинциях весьма разнородно. В Нормандии и окрест Парижа на земле хозяйствуют богатые фермеры. Во многих же других местах земля обрабатывается половниками.

Далее исследователь поднимает новую тему, указывая, что необходимость в развитии народного хозяйства приводит к появлению посредника

² Там же. С. 610-611.

³ Российская газета. 2011. 5 октября. № 222. С. 11 (Людмила Бутузова).

¹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 609.

между производителем товара и покупателем — конечным потребителем произведённого продукта. И это стало прогрессивным этапом в разделении труда. Здесь Тюрго сделал ещё один крупный шаг вперёд по сравнению с Кенэ и его правоверными последователями, признав купца, торговца капиталистом не хуже любого другого. Ибо здесь тоже нужно обладать накопленным капиталом, чтобы совершать предварительные расходы в начинаемом деле. Как возникает необходимость появления купца? Предприниматели в сельском хозяйстве или на фабрике возвращают свои авансы и получают прибыль только тогда, когда их товары проданы. Но покупатель товара — конечный потребитель не всегда готов раскупить предложенный и нужный ему товар. Это зависит от его потребностей и от средств, которыми он располагает и других обстоятельств его жизни. Потребители к тому же разбросаны по всей стране, да и за рубежом их немало. Но производители не могут остановить производство: За жатвой и обмолотом следует новый сев. И фабриканту технология не всегда позволяет остановить производство, да и рабочих не хочется кормить без дела. Тюрго развивает свою мысль: «Обоюдный интерес производителя и потребителя, первого — найти покупателя, второго — найти продавца» без лишних забот и траты драгоценного времени (время — деньги!) «должен был дать повод третьим лицам подумать о том, не могут ли они быть посредниками между тем и другим. Это дело стало занятием торговцев, которые покупают товары из рук производителя с тем, чтобы делать запасы или устраивать магазины, где потребитель мог снабжать себя»⁴. Так общественный спрос, добавив от себя, неизбежно порождает предложение, а люди, готовые заработать на этом, всегда найдутся. У Тюрго совершенно исчезает пренебрежительное отношение к купцам, которое было характерно для Кенэ. Общественно полезный труд в любой сфере ценен. У Кенэ его желание принизить значение ремесленника и торговца можно понять как протест против принижённого положения землероба в абсолютистской Франции.

Тюрго продолжает углубляться в вопрос о торговле и торговцах. Он отметил, что всех торговцев можно распределить по различным разрядам. Но им всем свойственно нечто общее, а именно то, что они покупают для перепродажи с целью получения прибыли. Чтобы включиться в

торговлю, будущий купец должен раньше где-то и как-то сколотить исходную сумму денег, которая послужит в его руках авансом при вступлении в торговое дело. Затрачивая этот аванс, купец рассчитывает, что тот вернётся к нему из торгового оборота с прибылью, которая будет для него платой за труды, риски, предусмотрительность и прочее, что связано с торговлей, да к тому же прибыль вновь может быть вложена в дело для его расширения. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом! Примерно в таком духе, более или менее амбициозно, мыслят и ведут дела и продавщица зелени или цветов где-либо на рынке, и судовладельцы из французского Нанта и испанского Кадикса, совершающие операции в Индии и Америке, продавцы розничные и оптовые, мелкие и крупные. Все они трудятся ради прибыли. И в этом отношении они ничем не отличаются от «предпринимателей в земледелии и промышленности»⁵.

Наконец, Тюрго приступает к такой важной теме, как торговля самими деньгами. Он рассмотрел этот вопрос, как проблему процента на ссуду, который заимодавец получает с заёмщика — ссудополучателя. Важность этого вопроса в том, что из ссудного капитала развился банковский капитал, который в позднейшей рыночной экономике приобрёл значение основного нерва хозяйственной жизни. Своеобразие же того исторического момента, когда Тюрго трактовал о данной проблеме, состояло в том, что в позднем феодальном обществе при сильных позициях христианской церкви, её идеологии и поддерживавших их социальных и политических сил, — ещё не был решён вопрос о правомерности взимания процента при обращении ссудного капитала. А вот Тюрго решительно выступил в защиту такой правомерности. Рассмотрим его аргументы.

Заимодавец — тот капиталист, который выходит на рынок со своими деньгами. Он знает, что там существует потребность в свободных деньгах для самых различных целей. В качестве торгового посредника заимодавец готов удовлетворить разнообразные нужды. Но его интересует не столько, ради чего заёмщики устремляются на финансовый рынок — то ли для расплаты с прежними долгами, или с целью помещения денег в прибыльное предприятие, а может быть просто из жажды мотовства. Нет, ссужая деньги на установленный срок и под определённый процент, заимодавец более

⁴ Там же. С. 613.

⁵ Там же. С. 614.

всего обеспокоен тем, чтобы долговая сумма была возвращена вовремя, да к тому же обогащённая означенными процентами. Тюрго полагал, что в интересах экономической целесообразности каждый человек волен распоряжаться своими деньгами — то ли совершить желаемую покупку, то ли предложить их кому — то в долг, даже под доходный процент, то есть «отдавать в заём на условиях, какие сочтёт желательным». Когда заимодавец требует деньги назад, то «это право неотделимо от права собственности». Как реально устанавливается величина процента в каждой ссудной сделке — соглашении? Тюрго дал на этот вопрос точный экономический ответ: «Денежный процент, подобно цене каждого товара, должен устанавливаться только торговым оборотом»⁶. В торговом обороте цена каждого товара объективно регулируется, устанавливается соотношением спроса и предложения: чем больше предложение свободных денег со стороны ссужающих и меньше желающих получить предлагаемые ссуды, тем дешевле эти ссуды, тем ниже процент. И наоборот: чем больше жаждущих получить деньги под процент и меньше свободных денег, предлагаемых в качестве ссуд, тем выше процент. Тут уже настоящий праздник для ростовщиков и банкиров. Описанные колебания курса заёмного процента зависят от смены периодов подъёма и спада деловой активности в народном хозяйстве.

Так, в период мирового кризиса 2009-2010 годов, не обошедшего стороной Россию, мы воочию наблюдали, как все банки (заёмщики денег) наперебой предлагали населению (то есть своим кредиторам) повышенный процентный доход по вложениям денег на депозиты. Население же денежки свои придерживало для удовлетворения своих насущных нужд.

Тюрго хорошо постиг психологию заимодавца, отдающего деньги в рост под хороший процент и получающего долговую расписку — вексель. Заимодавец должен быть уверен в том, что деньги, отданные в рост, вернутся к нему с прибылью. На чём может быть основана такая уверенность? И на этот вопрос Тюрго дал чёткий экономический ответ. Залогом, обеспечивающим возвращение займа с прибылью, служит всё имущество заёмщика. И заимодавец, конечно, обязательно поинтересуется, насколько значителен этот залог, прежде чем рискнёт какой либо крупной суммой своих денег. Тюрго поясняет, что «все

капиталы в мебели, товарах, орудиях, животных заменяют деньги и представляют их». Вексель, подписанный человеком, о котором известно, что его имущество оценивается в 100 тысяч франков, представляет эти 100 тысяч франков. «Все капиталы того, кто подписал этот вексель, обеспечивают этот платёж»⁷.

Мы и сейчас в современной России отлично знаем, что всякий банк, прежде чем предоставить кредит предпринимателю, интересуется и получает справку о том, каким имуществом располагает заёмщик, и только после того отваживается на соглашение о кредитовании, когда убеждается, что материальное обеспечение (квартирами, коттеджами, машинами и прочим) достаточно надёжно.

Тюрго решительно выступил против поучений схоластиков, твердивших на старый лад, что ростовщик нарушает библейскую заповедь: Бог обрёк Адама и его потомство есть хлеб в поте лица. Но деньги сами по себе ничего не производят, поэтому несправедливо требовать с должника процент за пользование чужими деньгами. Согласно схоластической догме ростовщик ест хлеб в поте чужого лица, а не своего собственного. Тюрго дал такой ответ на схоластические рассуждения: говорить в данном случае о злоупотреблении нуждой так же бессмысленно, как и указывать на то, «будто булочник, требующий деньги за продаваемый им хлеб, злоупотребляет нуждой своего покупателя»⁸.

Выгоду при ссуде денег получают обе стороны, но больше — заёмщик, так как он удовлетворяет свою настоящую нужду в деньгах, и гораздо меньше заимодавец, ибо расстаётся со своими кровными деньгами и может быть навсегда, если заёмщик обанкротится, умрёт или в силу каких-то других непредвиденных неблагоприятных обстоятельств. Выгода и невыгода с обеих сторон оценивается в каждом отдельном случае величиной процента, обозначенной в векселе. А эта величина определяется соглашением сторон. К тому же деньги, лежащие в качестве металла без движения, как раз не производят ничего. Деньги же, так или иначе пущенные в оборот, приносят прибыль и удовлетворяют разнообразные жизненные потребности.

Если уж говорить о строгом следовании заповедям христианства, то перед ними чист лишь

⁶ Там же. С. 619.

⁷ Там же. С. 623.

⁸ Там же. С. 618.

тот, кто не берёт ни процент за деньги, ни денег за хлеб, а занимается чистой благотворительностью. Так, монахи в монастырях устраивают приюты для нищих и убогих калек и кормят их от своих трудов праведных и своих щедрот согласно заповеди Христа: раздай своё имущество и следуй за мной! (Мф 19:21). Но это относится только к самым беспомощным людям. Что же касается тех, кто способен трудиться, тот должен жить по заповеди: ешь хлеб в поте твоего лица. Он умножает личным трудом общее благосостояние. Нужно заботиться и ему, и обществу, чтобы у каждого трудоспособного человека имелись для этого какие-то подходящие условия.

Тюрго выступил решительно против того, чтобы величину процента в торговле деньгами устанавливал закон государства, чиновники или другие официальные лица. Такое вмешательство всегда совершается в своекорыстных интересах, нарушает свободное действие экономических законов и вредит благополучию нации.

Прекрасную иллюстрацию резкого столкновения противоборствующих тенденций и олицетворяющих их действующих лиц в переломную историческую эпоху предложил вниманию читателя и зрителя Шекспир в своей великой пьесе «Венецианский купец». Пьесу не без известной доли сарказма автор именует комедией. Но на деле комедийный элемент, хотя он там и присутствует, всё же отодвигается на задний план и лишь подчёркивает жестокое столкновение на почве экономических интересов, обострённое взаимной расовой и личной неприязнью. Ростовщика Шейлока Шекспир представил выразителем насущной экономической потребности в ссудном капитале в период подъёма торговой буржуазии. Венеция рано сформировалась как торговая держава, и в ней соответствующие потребности определились раньше, чем где-то ещё в Европе. У Шекспира Шейлоку противостоит купец Антонио, весьма благовидный на первый взгляд своим доброжелательным отношением к друзьям, которым он всегда готов одолжить деньги без всяких процентов. Но по мере развертывания действия этот Антонио утрачивает привлекательность, обнаруживая кое-какие отталкивающие черты. Антонио извлекает барыш из заморской торговли, но не отдаёт себе отчёт в велениях времени. Он не понимает, что торговля потребительскими товарами и торговля деньгами — близнецы-братья. Одно влечёт другое. Само банковское дело возникло в Италии там, где святоши — сторонники старых убеждений

устраивали гонения на ростовщиков. Те, удаляясь в лес, ставили там свои скамьи и занимались на них ссудным делом. От итальянского слова banco (скамья) ведёт своё происхождение современное слово «банк».

Шекспир изображает Венецию на более высокой стадии экономического развития. Здесь ссудные сделки совершались открыто и заверялись нотариусом. Так что дело не в отсталом законе, а в столкновении лиц — носителей различных убеждений. Шекспир так конструирует фабулу, что именно Антонио, презирующий ростовщика Шейлока, оказался вынужденным обратиться к нему за помощью — за ссудой под процент, и Антонио получил эту помощь. И что же? За эту помощь Антонио ответил ростовщику самой чёрной неблагодарностью и вместе со своими друзьями довёл того до полного разорения, да ещё обязал бедного старика принять ненавистную для него христианскую веру. Каково? Но и Шейлок ненавидит Антонио. В этой ненависти присутствует экономический мотив: Антонио, ссужая единоверцам деньги без процентов, сбивает, понижает общий процент ссудного капитала. Ростовщик ненавидит Антонио и за то, что тот обращался с ним, мягко говоря, не по христиански, не гуманно: открыто поносил веру Шейлока, его барыш законный, плевал на его одежду и лицо и прочее. Хорошо ли это? Не основание ли это для мстительности?

Антонио, даже запросив ссуду, не отрёкся от расовой нетерпимости, предлагая ростовщику ссудить ему деньги не как другу, а как врагу. Антонио откровенно провоцировал Шейлока на ответную нетерпимость. И тот принял вызов. Под видом шутки он предложил Антонио подписать вексель с условием, что в случае неуплаты долга в срок должник расплатится фунтом своего мяса. Вексель заверил нотариус. Заметим, что в этом пункте Шекспир допустил, скорее всего, сильное художественное преувеличение, ибо вряд ли нотариус имел право заверять подобный вексель как явно противоречащий христианской морали и требованиям человеколюбия. Нотариусу следовало бы напомнить, что для несостоятельных должников существует долговая яма. Но Шекспиру очень хотелось накалить страсти до предела.

Конфликт между Антонио и Шейлоком достиг кульминации, когда дочь ростовщика сбежала из дому к своему любовнику, обокрав заодно отца, похитив его драгоценности и значительное богатство в червонцах.

Шекспировский Шейлок напрасно доказывал, что у людей его веры и национальности те же человеческие качества, кровь и страсти, как и у всех окружающих и что еврей сам по себе не заслуживает презрения и ненависти. Таково требование национальной и расовой терпимости, равноправия — запрос, который будет осуществлён лишь в далёкой исторической перспективе, в условиях развитой европейской демократии современного типа. Но эпоха, описываемая Шекспиром, крайне далека от этого времени. И Шейлок проповедует глухим. Они не готовы ни прислушаться к его словам, ни тем более понять его. Особенно тот его аргумент, что оскорблённый и глубоко униженный Шейлок имеет общее человеческое право на месть.

И вот наступает развязка. Срок долгового обязательства истёк, а долг не уплачен. Шейлок вызывает Антонио в суд и требует оплаты неустойки по векселю — фунт мяса из тела должника. Судья Порция, прошедшая должную юридическую подготовку, и венецианский дож пытаются склонить Шейлока к милосердию. Но тот твёрдо отвечает, что останется непреклонным в своей ненависти. И вот судья раскрывает свои карты, сообщая Шейлоку: по векселю ты имеешь право лишь на фунт человеческого мяса, но ни на каплю крови. Если прольёшь хотя бы каплю христианской крови, «твоё добро и земли по закону к республике отходят». Судья наносит свой последний удар:

*«В Венеции такой закон, что если
Доказано, что чужестранец прямо
Иль косвенно посмеет покушаться
На жизнь кого — либо из здешних граждан, —
Получит потерпевший половину
Его имущества, причём другая
Идёт в казну республики, а жизнь
Преступника от милосердья дожа
Зависит»...⁹*

Таким образом, юристы — нотариус и судья — искусно загоняли Шейлока в ловушку, подводя его под угрозу смертной казни. Да и дож, как высшее должностное лицо в Венеции, не мог не разбираться в законах своего государства. Но все они настойчиво провоцировали ослеплённого ненавистью Шейлока оставаться непреклонным в своей ненависти, к отказу проявить милосердие в отношении долж-

ника. Цель такого манёвра: убедить окружающих в том, что сам Шейлок не заслуживает снисхождения и заслуживает суровой расправы. Расправа последовала: дож сохранил ему жизнь. А Антонио отказался от своей доли из имущества несчастного ростовщика при условии, что тот отречётся от всего, что у него ещё оставалось, в пользу дочери, беглянки и воровки, и примет ненавистную для него христианскую веру. Для окончательной характеристики проявившего такое сомнительное милосердие Антонио напомним, что он не успел расплатиться в срок по векселю, потому что его корабли с товарами, разосланные по всему свету, не возвратились своевременно, а некоторые погибли, и он получил известие, что пропали не только корабли и грузы, но погибли капитаны и матросы. Таким образом, этот венецианский купец предстаёт человеком, который не только ест хлеб в поте чужого лица, но и приносит в жертву богу наживы чужие жизни, чужую кровь. По сравнению с такими жертвами фунт мяса этого Антонио представляется как бесчеловечное требование, но всё же сравнительно мелкое зверство.

Что касается образа Шейлока, то можно упрекнуть Шекспира в известной неувязке. Единорог Шейлока столетиями жили среди людей иной веры, в частности — среди злобствующих христиан. А раз так, то он должен был бы знать законы Венеции не хуже нотариуса, дожа и судьи. Ему следовало не позволить своим врагам загнать себя в юридическую ловушку. Его исторический кругозор должен был бы ему напомнить, как в средние века свирепствовала инквизиция, отправляя на костёр не только евреев, но и мавров и прочих «еретиков», если их богатство приглянулось властям.

Заметим, что исторические персоны, подобные Шейлоку, стоят в одном ряду с Галилеем, тоже пострадавшим от инквизиции. Будущее показало, что правда была на стороне Галилея в физике и на стороне реальных Шейлоков в финансах. Все они вместе могли воскликнуть: «А всё-таки она вертится!» Теперь мы знаем, что финансовый капитал, как и капитал вообще, свободен от национальных, расовых и прочих предрассудков и границ.

Из Венеции перенесёмся в отсталую и раздробленную Германию. Как здесь обстояли дела с ростовщичеством? Его непримиримым врагом оказался Мартин Лютер (1483-1546). Лютер сыграл важную роль в разрушении деспотизма и догматизма католической церкви, дав мощный

⁹ Шекспир У. Венецианский купец. Комедия. СПб: Азбука-классика, 2009. С. 99-100.

толчок развитию религиозного свободомыслия в Европе. Но его экономические воззрения, соответствовавшие социальной отсталости Германии, не отличались прогрессивностью. Но здесь научная позиция Тюрго нашла мощную поддержку Маркса, который критически цитирует мнения Лютера о ссудном проценте. Маркс привёл мнение Лютера о ссудном капитале: «Но кто берёт больше или лучше (чем он дал), тот ростовщик, и это значит, что не услугу, а вред принёс он своему ближнему, как это бывает при воровстве или грабеже»¹⁰. Очевидно, что Лютер не осознал необходимости банковского дела в национальном хозяйстве и навязывал лютеранам идеологию, препятствовавшую прогрессу торговли, хозяйственной жизни вообще.

С ещё большей яростью, свойственной его неукротимому темпераменту, Лютер ополчился против лиц, ссужавших деньги под процент, в другом месте. Таких он изобличал как «врагов человечества», убеждая, что «ростовщик есть четырёхжды вор и убийца». С ораторской изощрённостью, словно с церковной кафедры, он заключал, что «на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик»¹¹. Шекспировскому Шейлоку повезло, что он не попал в руки Лютера. А если бы попал, то его не только разорили бы и унизили, но могли сжечь на костре, как сжёг Кальвин врача Сервета. Вспомним, что Лютер во время крестьянского восстания в Германии в 1525 году призвал князей уничтожить повстанцев, словно «бешеных собак».

Маркс не оставляет в покое Лютера, усмотрев в нём одного из главных противников буржуазного прогресса в Германии. Маркс отметил, что Лютер наивно шумит против ссудного процента, не понимая, что речь идёт о подчинении «капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства»¹². И снова Маркс принимает за Лютера, иронически трактуя его позицию. Лютер резко выступил против ростовщиков в 1524 году. Он поносил ростовщиков за то, что они, лёжа на печи, наживают с помощью ссудного процента бешеные состояния. Но тогда, как он считал, это бедствие ещё не достигло особенной остроты, и он надеялся, что христианская мораль и проповедь устранят это зло. Но вот прошло ещё 15 лет, и Лютер с ужасом

вещает: «С того времени оно столь вознеслось, что не хочет уже считаться пороком, грехом и позором, но величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу»¹³.

В довершение всего, чтобы убедить всех в своей ретроградности, и всё более воодушевляясь, Лютер зашёл так далеко, что объявил врагами рода человеческого не только ростовщиков, но и обычных купцов. Поводом послужили частые жалобы купцов на помехи торговле, которые творила знать: князья и прочие дворяне расставили в своих владениях многочисленные таможенные заставы и взимали с торговцев высокие проездные пошлины. Негодующий Лютер клеймит: нехристианское неистовство и «разбой творятся купцами по всему миру». Что же несправедливого, мудрствовал он, что имущество, несправедливо нажитое, Бог отнимает и отдаёт врагам купцов — князьям и их пособникам. «И князьям подобает надлежащею властью наказывать столь несправедную торговлю и принимать меры, чтобы купцы не обирали так бессовестно их подданных»¹⁴.

Создаётся впечатление, что экономическое сознание Лютера удовлетворилось бы только натуральным хозяйством. И суть дела тут весьма отлично от той, которую обрисовал вождь протестантизма, ослеплённый религиозными догмами. Князья мыслили много реалистичнее. Они знали толк в земной жизни и в наживе. Князья цинично соображали, что не они существуют ради догм, а догмы — для них. На проезжих купцов они смотрели как на несущку золотых яиц, обирая своих подданных двояко: с одной стороны — прямыми налогами, а с другой — косвенными — через купцов. Торговец не может вести дело без прибыли, и цену проездной пошлины он включал в стоимость товара, продаваемого тем же подданным. В чём не ошибся премудрый Лютер, так это в том, что купец и ростовщик — родственные души, оба этих типа — стяжатели и «разбойники» во многих значениях этого слова. Они существовали в условиях враждебного им феодального мира. А на войне — как на войне: никакой пощады врагу. Разбойники первоначального капиталистического накопления использовали каждую щель в существовавшем правопорядке в корыстных целях, а при любой возможности нарушали его без колебаний, не задумываясь о спасении души или

¹⁰ Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949. С. 199.

¹¹ Там же. С. 591.

¹² Маркс К. Капитал. Том 3. М.: Госполитиздат, 1949. С. 614.

¹³ Там же. С. 625.

¹⁴ Там же. С. 343.

запятав возможные сомнения в самые тёмные уголки своей совести. Именно эти разбойники, сколачивая любыми средствами капиталы, готовили исподволь крах любезному Лютеру порядку вещей.

Из Германии 16 века перекинем мостик к итальянским делам на рубеже XIII-XIV столетий. Сравнение окажется небесполезным. Сходство между ними — в их политической раздроблённости. Но в Италии роль купцов и ростовщиков была несравненно более значительной, чем в отсталой Германии, ибо они во многих крупных городах уже добились господствующего положения. Кое-какое представление об итальянских делах мы получили выше — в преломлении через шекспировскую художественную фантазию. Теперь нам поможет творчество не менее гениального автора — Данте (1265-1321), который не только создал бессмертные сочинения, но и не преминул стать участником некоторых достаточно бурных событий. При этом та самая Венеция сыграла в судьбе реального Данте не менее зловещую роль, чем в бедствиях литературного Шейлока. Помимо сочинений самого Данте, мы воспользуемся сведениями из прекрасных статей Голенищева-Кутузова — приложений к дантовским творениям. Данте родился во Флоренции в семье среднего достатка, владевшей домами и земельными участками. В молодости Данте успел принять участие в политической борьбе в родном городе и в военных походах против городов — соперников Флоренции. Он успел жениться, завёл семью: помимо жены — трёх сыновей и дочь. Так он приобрёл опыт — политический, семейный и военный, а заодно — друзей и врагов. Имеются сведения, что Данте обучался в Болонском университете. Италия в те времена распадалась на десятки городов — государств. Некоторые состояли в союзе, другие враждовали между собой. Политические партии в городах ориентировались на мощное влияние, шедшее с севера. С одной стороны — Франция с её родственным для итальянцев романским языком. С другой — Германия, страна чуждого языка и отсталой культуры. Странники сближения с Францией получили непривычное для современного уха название гвельфов. А искавшие поддержки у германских императоров звались столь же необычно — гибеллинами. Италия с её богатейшими историческими и культурными традициями и омываемая морями получила раннее экономическое развитие. Итальянских

торговцев привлекала, прежде всего, Франция, через территорию которой проходили торговые пути в Англию, Бургундию, Фландрию. Там продавалось высококачественное итальянское цветное сукно и закупалась шерсть для итальянских мастерских.

Флоренция процветала. Здесь феодальная знать утратила свои позиции, и все дела вершили богачи — толстосумы, владельцы крупных мастерских, торговых и банкирских домов. Они причисляли себя к гвельфам. Но среди них не было единства. В 1302 году одна из группировок, взяв верх, изгнала своих соперников из города, в том числе — и Данте с его близкими. Это событие имело для Данте достаточно противоречивое значение. С одной стороны, оно наложило на его мировосприятие оттенок трагизма. Неустроенность жизни, состояние вечного изгнанника обрекало его на скитание по разным городам в поисках пристанища. В угнетённом состоянии духа поэт искал утешения в стоической философии. Но это только одна сторона медали. Существует и обратная, более важная. В скитаниях писатель познакомился с обычаями, говорами, порядками разных областей Италии. Более того, он посетил Париж, участвовал в диспутах в Сорбонне и таким образом весьма расширил свой умственный кругозор. Это послужило для него веским основанием взять на себя смелость выступать от лица всего просвещённого западного мира. В изгнании же Данте начал писать «Божественную комедию».

В качестве скитальца он с полным правом мог сказать о себе: «Мы, которым весь мир — родина, как воды моря рыбам» (О народном красноречии, I, VI,3)¹⁵. Мечтал он и о мировом государстве, возлагая при этом надежды на германских императоров. Маркс (1818-1883), который любил черпать афоризмы из сочинений поэта в подтверждение своих собственных мыслей, вслед за Данте тоже назвал себя гражданином мира, так как всю жизнь провёл в скитаниях, ибо сравнительно рано начал проявлять революционную активность и был неприемлем для многих правительств. Он проживал в различных германских городах, затем в Париже и Брюсселе, пока, наконец, не осел в Лондоне, где и завершил свою кипучую деятельность. Подобно Данте Маркс мечтал о мировом сообществе народов, на этот раз — пролетарском и коммунистическом. В предисловии к итальян-

¹⁵ Данте. Малые произведения. Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Наука, 1968. С. 274.

скому изданию «Коммунистического манифеста» Маркс выразил страстную надежду, что Италия даст миру нового Данте, чтобы воспеть рождение новой, пролетарской эры.

А Данте в своих скитаниях не переставал вести неустанную литературную борьбу против своих врагов — персональных и социальных. Враги во Флоренции лишили его родины, имущества и средств существования. Но он им с лихвой отплатил в «Божественной комедии», навсегда предав позору и литературным адским мукам. Поэт жутко ненавидел ростовщиков и ростовщичество. Может быть потому, что богатство изгнавшей его Флоренции в значительной степени было основано на этом неприглядном с его точки зрения занятии. Ростовщичество было широко распространено в Италии. Им занимались представители многих патрицианских родов. Причастны были к нему и дядья поэта и, может быть, даже его отец. Итальянские ростовщики проникли в Сицилию и во Францию. По вопросу о ростовщичестве Данте отстал от экономических потребностей времени. Он его осуждает на основе Писания (Ад, XI, 107) (Ад, XVII, 55). Согласно Писанию, человек должен добывать пропитание в поте своего лица. Ростовщик же, по мнению Данте, зарабатывает хлеб в поте чужого лица, и в этом его грех (Ад, XI, 95 — 96). По сути дела, позиция Данте близка подходам Лютера. Но Лютер отстоит от Данте на добрых два столетия. Правда, и Германия при Лютере находилась в таком же жалком политическом состоянии, как и Италия во времена Данте. В этом вопросе — о ростовщичестве — Данте ещё стоит одной ногой в средневековье. Куда двигалось экономическое развитие, показывает пример той же Флоренции. В начале 15 века власть в ней захватил «король купцов» Козимо Медичи (1519-1574), ставший первым великим герцогом Тосканским. Знаменитый французский полководец и король Генрих IV (король Франции в 1589-1610 годы), истощивший казну в своих войнах, этот великий человек, чтобы погасить долги перед заимодавцем, в 1600 году женился на Марии Медичи, племяннице великого герцога Тосканского. Острые языки при французском дворе немедленно окрестили её «толстой банкиршей». Но она добросовестно выполнила своё историческое предназначение, родив в 1601 году будущего короля Людовика XIII. После смерти своего супруга она была регентшей при малолетнем наследнике престола, очень удачно выбрала своим фаворитом кардинала Ришелье, который в качестве первого министра

довёл утверждение абсолютизма во Франции до решительного завершения. Франция становилась ведущей европейской державой.

Итак, Данте не смог остановить экономический прогресс с помощью своего нравственного осуждения. Поиски экономической выгоды — один из мощнейших импульсов человеческой природы. Кстати, поэт не заметил, что раннее итальянское Возрождение, для пробуждения которого он так много сделал, стало возможным в значительной мере благодаря меценатству сильных мира сего — новоявленных богачей.

Но известные слабости жизненной позиции Данте с подавляющим избытком перевешиваются его великими историческими заслугами. Начать — с критики господствующей христианской церкви. Даже совершая путешествие в сочинённом им «Раю», поэт не забывает бичевать церковные пороки. Он ясно видит, что дурные пастыри ведут верующих не к спасению, а к гибели (Рай, XXI, 133-135). Роскошествующие епископы забыли те времена, когда апостолы Пётр и Павел ходили по миру босыми и питались добровольным подаянием соплеменников. Данте стыдил церковную продажу отпущения грехов, претензию римских пап на светскую власть и тому подобное (Рай, XXVII, 22-26). Протестанты 16 века не без основания считали великого поэта своим предтечей. Как отступника, его клеймили уже при жизни. Некий судья в 1317 году уже цитировал дантов Ад, распространявшийся в Италии в списках, среди запрещённых книг¹⁶. А враги великого поэта во Флоренции постановили, что если этот изгнанник посмеет вернуться на родину, то надлежит немилосердно его «жечь огнём», пока не умрёт. Нравы церковных судов были немилосердны. Однако не удалось. У Данте нашлись сильные покровители. В изгнании творец продолжал сочинять и в прозе, и в стихах. Скитальческая жизнь позволила ему усвоить все оттенки народных говоров и реформировать итальянский язык, а заодно и итальянскую поэтику. Он стал писать на итальянском разговорном языке, чтобы удовлетворить потребность широких кругов читателей, далёких от официальной латыни, — потребность в просвещении. Поэт полагал, что итальянский язык станет солнцем, освещающим путь в новые времена. Против официальной церковной идеологии Данте вёл наступление по многим направлениям. Уже то,

¹⁶ Данте. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. М.: Наука, 1968. С. 474.

что поэт на основании немногих неясных намёков в Писании о загробном мире сочинил трилогию о путешествии по трём неземным областям, потребовало не только гениального напряжения фантазии. Голенищев-Кутузов характеризует это достижение, как сравнимое со знаменитым описанием странствий Одиссея. Данте творил над историей свой суд. Такого раскрепощения личности средние века не знали¹⁷. Они признавали идеалом монашеское послушничество и уничтожённость личности. Данте стал одним из первых, кто поднялся выше этого и подал великий пример всем гигантам Возрождения.

Мысленное путешествие, которое Данте творит по созданным его гениальной фантазией неземным мирам, подтверждает его решительный отход от средневековых традиций и обращённость в будущее. В Лимбе Данте, сопровождаемый тенью Вергилия, встречает души давно почивших героев. Лимб — это поэтическое преддверие загробного мира. Там поэт находит тех, кто в древности, даже не будучи христианином, отличался высокими душевными достоинствами и умом. Таковы Цезарь, арабский полководец Саладин и другие. Им не предназначено испытать муки ада. Но их поэт обрекает вечно скорбеть о том, что им недоступно райское блаженство. Среди них автор встречает величайших античных поэтов: Гомера, Горация, Овидия, Лукана. Данте путешествовал в неземных сферах в сопровождении Вергилия (Ад, IV, 88). Побеседовав с великими тенями, Данте тут же причислил себя к их сонму (Ад, IV, 100). Пусть это не покажется излишне самонадеянным. Данте не сомневался в том, что история его оправдает. Мы теперь убеждаемся, насколько он был прав.

По мысли Голенищева — Кутузова, Данте любил Вергилия больше всех других поэтов и многому научился, изучая его поэзию. В дантовом причислении себя к сонму величайших поэтов содержалась важная мысль: догнать и превзойти в своём творчестве античные образцы. Данте передал этот творческий импульс зреющим творцам. И это впрямь стало идеалом итальянского Возрождения¹⁸. А подрастающие творцы были тут как тут. Первый из них — Боккаччо (1313-1375), младший современник Данте, творец в итальянской художественной прозаике. Боккаччо был знаком со многим родственниками Данте и сохранил

ценные биографические сведения о своём старшем литературном соратнике. Третий великий деятель итальянской культуры, сопричастный жизненному пути Данте, это — Петрарка (1304-1374). Он родился в семье флорентийского изгнанника, такого же, как сам Данте. Во время своих странствий Данте случалось останавливаться в доме отца будущего поэта, и тот в возрасте около 7 лет мог лицезреть Данте. Петрарка так же страстно воспевал свою Лауру, как Данте прославлял Беатриче. Вот эти трое — Данте, Боккаччо и Петрарка — создали основы классической итальянской литературы. Честь им и хвала!

В последние свои земные годы Данте жил в Равенне. Здесь он завершил «Божественную комедию». Летом 1321 года Данте, как посол правителя города, посетил Венецию с целью заключения мира. Возвращаясь, в сырой долине реки По он подхватил злостную болезнь, видимо — малярию, и скончался в ночь с 13 на 14 сентября 1321 года. Жители Равенны очень горды тем, что останки Данте покоятся в их городе в мавзолее античного стиля. Лишь после своей смерти поэт был увенчан лавровым венком. Вечная ему память и слава! Даже после объединения Италии в 19 веке граждане Равенны отказались передать останки великого поэта его родному городу — Флоренции. Поздно, мол, спохватились. Вот такова ирония истории.

Рассмотрев сравнительные обстоятельства созревания буржуазии в разных странах, вернёмся к экономической теории Тюрго. Чему ещё сможем мы у него научиться? В каком направлении двигалась его мысль? Философ-экономист приступил к анализу проблемы обращения национальных капиталов, — обращения, охватывающего все сферы хозяйственной жизни. Из взаимодействия капиталов в государстве, полагал Тюрго, — «видно, как обработка земель, фабрики всякого рода и все отрасли торговли основываются на массе капиталов, или накопленных движимых богатств», авансированных «предпринимателями в каждом из этих различных родов труда», ради наращивания прибыли. И далее: «Эти постоянные затраты и их постоянное возвращение и составляют то, что следует назвать обращением денег, то полезное и плодотворное обращение их, которое оживляет все роды труда в обществе, поддерживает движение и жизнь в политическом теле». Таково «его кровообращение». И если предприниматели станут терять авансы, они свернут своё производство, и народ обнищает, особенно — рабочие, ибо при

¹⁷ Там же. С. 467.

¹⁸ Там же. С. 470.

этом неминуемо сократится «и количество применяемого труда». «Так капиталы являются столь же необходимыми во всех предприятиях, как труд и искусство»¹⁹. Тюрго добавляет, что каждый предприниматель должен уметь пользоваться авансированием и этим круговращением денег, чтобы получать достаточную прибыль, поддерживать свой жизненный уровень, соответствуя рыночным требованиям.

Маркс с одобрением цитировал слова Тюрго о плодотворном круговращении денег в народном хозяйстве и нашёл очень удачным сравнение этого движения с кровообращением в животном организме. По мысли Маркса, трактовка вопроса французским теоретиком стала серьёзным шагом вперёд в науке²⁰.

Тюрго исследовал различные способы употребления капиталов и стремился установить более или менее определённые соотношения между ними. Первый способ — это приобретение земельного фонда, приносящего доход. Другой: помещение своих денег в предприятия по обработке земли, которые тоже принесут доход. Таково фермерство. Третий способ: помещение денег в фабрики, промышленные предприятия того или иного рода. Четвёртый способ: помещение капитала в торговое дело. И пятый: предложение денег нуждающимся в них под определённый процент и на определённый срок. Вот между этими основными приложениями и вращаются национальные капиталы, и всякий имеющий их, выбирает тот или те, которые ему более подходят, соответствуют его возможностям, темпераменту, вкусу и прочим обстоятельствам.

Далее Тюрго трактует о взаимоотношениях между всеми этими приложениями капитала. Прежде всего: все наличные капиталы ограничивают друг друга в своём применении, так как один и тот же капитал не может быть применён одновременно в различных сферах. Но эти капиталы могут перетекать из одной сферы в другую, что зависит в основном «от существующей нормы денежного процента». Наиболее низкий доход, как правило, приносят деньги, вложенные в покупку земли. Это потому что, купив участок земли и вручив его в руки зажиточного фермера, капиталист сводит к минимуму свои дальнейшие заботы. Он находится в самом благоприятном положении,

«ибо собственность на землю ... наиболее обеспечена от всяких случайностей»²¹. Далее, человек, занимающийся ростовщичеством, заимодавец, будет получать больший процент за ссуженные деньги, так как здесь больший риск. Ведь в случае банкротства своего должника, заимодавец теряет ссуженные тому деньги. Наконец, люди, вкладывающие деньги в фабрику и торговлю, вправе рассчитывать на более высокий процент дохода, ибо эти занятия кроме обильных авансов требуют многих забот и труда, и не будь эти занятия более прибыльны, легче было бы заняться или ссудой денег, или покупкой земли. Добавим, что во всяком деле важна психология людей: за высокодоходные и более рискованные предприятия берутся самые активные люди, уверенные в себе, готовые и к авантурным поступкам, чтобы нажить денег побольше, пока энергии не занимать. А недвижимости можно прикупить и к старости, уходя на покой.

Тюрго продолжил свой анализ различных оттенков хозяйственной жизни. Капиталы, вращающиеся в различных областях деятельности, находятся в постоянном, непрерывном, текучем, изменчивом соотношении друг с другом. Если, например, по какой — либо причине собственники земель начнут интенсивно распродавать землю, то повышенное предложение резко понизит цену участков. Это приведёт к повышению ссудного процента, ибо многие ростовщики предпочтут бросить привычное занятие и займутся скупкой земель, пока они дешёвы. Тут обнаружится нехватка капиталов на ссудном рынке, и сохранившие верность профессии ростовщики повысят ссудный процент ввиду усилившейся конкуренции между заёмщиками. Но вот ажиотаж с распродажей земель пришёл к концу. Тут многие захотят заработать на повышенном ссудном проценте, и это постепенно понизит этот процент. Таков круговорот капиталов в народном хозяйстве.

Тюрго полагал, что текущий денежный процент может служить своего рода термометром, то есть показателем хозяйственной активности в её различных сферах. Что происходит в земледелии, промышленности и торговле? Пусть праведные труды приносят 5 процентов на вложенный капитал, и это удовлетворяет труженика. Но если процент почему — либо понизится, то «всякая, могущая подвергнуться обработке земля, про-

¹⁹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 615-616.

²⁰ Маркс К. Капитал. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1949. С. 340.

²¹ Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008. С. 624-625.

дукты которой не принесут кроме возмещения авансов и вознаграждения стараний земледельца 5 на 100, останется в залежи, всякая фабрика, всякая торговля, не приносящая 5 на 100 кроме вознаграждения за труд и риск предпринимателя, не будет существовать». Тюрго предупреждал о возможных тяжёлых последствиях для национальной экономики в случае неограниченной свободы внешней торговли: «Если имеется соседняя нация, у которой денежный интерес составляет лишь 2 на 100, то она будет вести не только всю торговлю, исключённую для нации, у которой денежный интерес составляет 5 на 100, но фабриканты и купцы соседней нации, довольствуясь меньшей прибылью, назначат во всех сделках на свои товары меньшие цены и захватят торговлю всеми вещами, за исключением разве тех, которые в силу особых обстоятельств или слишком больших издержек на перевозку останутся за страной, где деньги стоят 5 на 100»²².

Признаем, что Тюрго за много столетий предупредил современных российских политиков и предпринимателей и подал свой скромный голос, присоединив его к тем бесконечным дискуссиям, которые сейчас ведутся в нашей элите по вопросу о том, что Россия выиграет, а что проиграет, при вступлении во Всемирную торговую организацию, какие отрасли народного хозяйства у нас пострадают, а какие — нет. Вступая, не ушибиться бы. Далее, Тюрго ставит обобщённый вопрос: из каких элементов складывается народное богатство? Он предложил на него соответствующий ответ: всё богатство нации состоит, прежде всего, из стоимости земли, далее — к этому надо приплюсовать чистый доход «со всех земельных фондов», да ещё «из суммы всех движимых богатств, наличных в государстве». Автор добавляет: «Было бы очень грубой ошибкой смешивать огромную массу этих движимых богатств с массой денег, существующих в государстве; они, то есть деньги, составляют сравнительно очень малую величину»²³.

В самом деле, деньги — самая подвижная, но не главная часть богатств. Они — средство обмена. Потребность в деньгах измеряется и количеством товаров, которые им приходится замещать, и скоростью движения этих товаров в обороте. Чем выше скорость движения и денег, тем меньше активных денег требуется — за счёт скорости их движения. При этом оказавшиеся лишними

деньги выпадают из оборота и оседают в руках их собственников в той или иной форме.

Добавим, что понижающая оценка, которая автор дал роли денег при характеристике национального богатства, принижает и политику меркантилистов, рассчитанную на накопление в стране богатства преимущественно в денежной форме. Такая политика удовлетворяла страсти двора и знати к роскоши. Но экономическая теория, равно как и политика министра Тюрго, соответствовали интересам производящих классов.

Тюрго определил противоположность между капиталистом и трудящимся пролетарием, то есть рабочим в буржуазном обществе, и необходимые условия существования рабочего. Анализируя классовый состав производящей материальные ценности части общества, он нашёл, что все, занятые изготовлением бесконечно разнообразных произведений промышленности для удовлетворения разнообразных потребностей людей, распадутся, с одной стороны, — «на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, давая работу за счёт своих авансов. Второй разряд состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук и которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы»²⁴.

Как видим, Тюрго совершенно отчётливо указал на противоположность между трудом и капиталом. Но его мысль находится только в начале анализа этой противоположности, да и сама эта противоположность, зародившаяся в недрах феодального общества, не успела ещё получить какого — либо значительного развития. Но всё — таки мыслитель сумел определить необходимые условия существования рабочего. Свою точку зрения на данную проблему он изложил в письме к английскому философу и экономисту Давиду Юму (1711-1776). Письмо относится к 1767 году. Прежде всего, Тюрго показал, как в том или ином случае определяется зарплата рабочего. Один вид заработка он назвал «текущей» зарплатой. Она может изменяться от случая к случаю. Как продажная цена всякого товара, так и стоимость рабочих рук на рынке труда устанавливается соотношением спроса и предложения. Но от такого заработка Тюрго отличал зарплату, которую он на-

²² Там же. С. 626-627.

²³ Там же. С. 628.

²⁴ Там же. С. 609.

звал «основной». Под ней мыслитель имел в виду стоимость средств существования рабочего. Да и не только самого рабочего, но также и его семьи. Если зарплату рабочего обложат налогом, то эту зарплату требуется повысить на величину налога. Если этого не сделать, то рабочий обнищает и будет вынужден искать иное занятие, а если не найдёт подходящего на родине, то решится покинуть эту страну, ставшую чужой, и отважится искать лучшей доли в иных краях. Автор письма к Юму пояснил: всякий рабочий заботится о накоплениях, хотя бы небольших, необходимых на случай возможного несчастья, да и на воспитание детей тоже. Таким образом, и рабочему требуется какая-то прибыль. Но с прибылью для рабочего — просто грех. Мешает конкуренция между самими рабочими на рынке труда. Вот что делает эта конкуренция с прибылью для рабочего: «В стране со свободной и оживлённой торговлей и промышленностью конкуренция устанавливает эту прибыль на самом низком уровне, какой только возможен»²⁵. Так что и с этой стороны положение рабочего оказывается убогим.

В письме к Юму автор не обошёл стороной и такую тему, как допустимая интенсивность труда рабочего. По его мысли, степень трудового напряжения не может возражать беспредельно. И уровень потребления рабочего нельзя всё время понижать. Это истощает его силы и подрывает способность к эффективному труду. К тому же при значительной доле рабочих в общей численности населения страны массовое сокращение потребления продуктов питания приведёт к самым отрицательным последствиям для всей национальной экономики. В первую очередь пострадает сельское хозяйство из-за сокращения внутреннего спроса на его продукцию, а затем и все отрасли перерабатывающей промышленности, которые, так или иначе, зависят от этого самого сельского хозяйства. Так все экономические факторы находятся в непрерывном взаимодействии, подобно «сообщающимся сосудам» и ищут «отношения равновесия»²⁶. Как видим, Тюрго рассуждает системно. И он нашёл важнейшее место для рабочего класса во взаимодействии движущих хозяйственных сил, взглянув на рабочих не просто как на объект бессовестной эксплуатации капиталистами, но как на творческий элемент, способный повлиять на общее состояние народного хозяйства.

²⁵ Там же. С. 640.

²⁶ Там же. С. 641.

Заметим, что в современных условиях, если в экономике случился спад, произошли неприятные явления вроде мирового кризиса 2009 — 2010 годов, то один из способов спасения народного хозяйства указал как раз Тюрго: всемерное стимулирование массового спроса и потребления. Этот спрос вызовет оживление сельского хозяйства, производящего исходные продукты, что потянет за собой подъём обрабатывающих отраслей. Ясно, что этот экономический механизм требует не понижения, а повышения жизненного уровня народа, включая рабочий класс.

Переходим к новой теме. Тюрго поставил ещё один важнейший вопрос: как всего целесообразнее в интересах процветания экономики распределять налоги среди основных слоёв населения? Ход его рассуждений таков: государство своим налогообложением изымает часть дохода предпринимателя. Это заставляет хозяина повышать сумму авансов в своём деле. Если налог станет чрезмерным, то предприятие лопнет, обанкротится. При массовых банкротствах сократится налогооблагаемая база. Подобное налогообложение приносит вред национальной экономике, ослабляет её. Но именно такую политику и проводили правящие круги в предреволюционной абсолютистской Франции, поставив её хозяйственную жизнь на грань краха.

Мыслитель указал, что в отличие от предпринимателей, способных обогащать государство, земельный собственник, получающий свою арендную плату, паразитирующий на шее арендатора, не занятый производительным трудом, вполне способен из своих доходов выплачивать налоги. Получаемую ренту собственник земли «может расходовать по своей прихоти», из неё же «он может оплачивать и общие расходы государства». Тюрго развивает свою мысль: у собственников земли больше досуга, они меньше заботятся о сбережении и накоплении, больше о развлечениях и о пышности, у них больше страстей. «Их удел жить роскошно». Слова Тюрго звучат как осуждение французской аристократии. Положение производительных классов иное: «Получающие заработную плату и в особенности предприниматели ... почти все они, преданные единственно своему делу, заняты тем, чтобы работой увеличить своё состояние; отвлекаемые трудом от разорительных страстей, они сберегают весь свой избыток с тем, чтобы направить его в своё предприятие

и увеличить таковое»²⁷. Так Тюрго отчётливо противопоставил одну другой две мощные социальные силы, нацеленные друг против друга накануне великой революции. С одной стороны — королевский двор и аристократическая партия, которые присвоили более половины земельных угодий, но не платили налогов в силу исконных привилегий, а с другой стороны — податное третье сословие, которое ещё только страстно мечтало, чтобы стать «всеми».

Наконец, мы рассмотрим вопрос о том, в какой мере Тюрго сумел приблизиться к решению задачи об отыскании более или менее точного объективного критерия оценки стоимости выставленного на рынок для продажи товара. Мы уже знаем, что он определил рыночную цену товара как результат соотношения спроса и предложения на товар такого рода. Продавец выносит свой товар на рынок, мечтая продать его дороже. Покупатель, обнаружив подходящий для него товар, жаждет купить его как можно дешевле. Они торгуются. При этом продавец всячески набивает цену на свой товар, а покупатель изо всех сил её сбивает. Если им удаётся договориться, торговая сделка состоится. Но вот в чём дело: можно ли ставить вопрос о том, не прогадал ли кто-то из торговавшихся людей? Существует ли объективный критерий для оценки ситуации? Тюрго задумался над этим вопросом и движется к его решению. Проследим за ходом его мысли. Например, он полагает, что одна «унция серебра равноценна известному количеству хлеба или известному числу рабочих дней человека»²⁸. Не делает ли здесь Тюрго шаг к оценке стоимости денег, а, следовательно, и всякого товара трудовыми затратами человека, производителя? А этим трудовым затратам он нашёл точный количественный масштаб: время эффективного труда.

Тюрго идёт дальше: каждый человек прикидывает в уме, какие вещи ему необходимо купить на рынке в более или менее длительной перспективе. Причём этот человек соизмеряет свои потребности с теми возможностями, которыми он располагает. Таков, по образному выражению теоретика, своего рода экономический отчёт человека перед самим собой «о своём труде и своём времени»²⁹. Здесь мы опять видим, что Тюрго рассматривает человека, как работника, под углом

зрения его трудовых затрат, оцениваемых количественно его рабочим временем. Смотрим дальше. Мыслитель, толкуя о рыночной экономике и месте человека в ней, пришёл к знаменательному выводу, что мы «натолкнулись на одну из самых глубоких истин, и самых новых, которую заключает в себе общая теория ценностей» (Там же). Тюрго при этом опирался на идеи итальянского экономиста аббата Галиани (1728-1787), высказанные им в трактате «О деньгах», где содержится утверждение, что «общей мерой всех ценностей является человек». Этот тезис заслуживает внимательного рассмотрения.

Такое утверждение для XVIII века не было вполне новым. Но вся соль — в его новом истолковании. В связи с рассматриваемым тезисом не грех лишний раз помянуть древнегреческого мудреца Протагора (481-411 до новой эры), происходившего из города Абдеры, но прославившего своей деятельностью Афины — культурную столицу своего времени. Протагор принадлежал к числу софистов старшего поколения. Его знаменитый тезис, который в данный момент привлёк наше внимание, гласит: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Тот видимый субъективизм, который выражен в этом тезисе, софисты направляли против патриархальной идеологии, пленённой мифологическими представлениями о богах и полубогах-героях, на искоренение предрассудков, в том числе — религиозных. Перенеся внимание на земного человека, софисты сыграли видную роль в культурном обновлении афинской жизни. Но, заметим, что софисты, выдвигая на первый план земного человека, имели ввиду вовсе не тех, кто производил материальные богатства, но располагался в низах рабовладельческого общества. Подлинными людьми тогда считались совсем иные, а именно те, которые составляли рабовладельческий класс. Избавленные от материальных забот чужим трудом эти люди посвящали своё время политике, философии и прочим свободным занятиям.

Вернёмся к Тюрго и Галиани. Что совершенно нового и необычного в их постановке вопроса в связи с тезисом «человек — мера всех вещей»? Это то, что он отнесён к трудящимся, тем, кто составлял третье, податное сословие. Само по себе это утверждение приобрело революционный характер. Нелепо было бы ожидать от массовых представителей аристократии согласия с мнением, что какой — либо крепостной или цеховой

²⁷ Там же. С. 633-634.

²⁸ Там же. С. 620.

²⁹ Там же. С. 651.

подмастерье и есть «мера всех вещей». Но такова их кастовая ограниченность. Расплата за неё не заставила себя долго ждать. По сути дела, Тюрго защитой тезиса Протагора и Галиани направил ещё один снаряд в голову старого режима. Но тезис «человек — мера всех вещей» имеет и другие многообразные аспекты. Прежде всего — чисто теоретическую сторону. В рассуждениях Тюрго по этому вопросу заложены основания трудовой теории стоимости. Смысл этой теории в том, что она признаёт объективной мерой ценности всех производимых товаров и услуг человеческий труд определённого количества и качества. Сам же этот труд измеряется общественно необходимым временем, требующимся для производства данных товаров или услуг. Эта мера универсальна. Под неё, как под важнейший критерий, подпадает любая хозяйственная деятельность — в сельском хозяйстве, в обрабатывающей промышленности, в торговле, в финансах. Этот критерий теоретически проясняет конкурентную борьбу во всех отраслях хозяйства, и она, эта борьба, находит отчётливое выражение в стремлении всех хозяйствующих субъектов максимально сократить трудовые затраты на каждый производимый товар, на всякую оказываемую услугу. В этом пункте — в подходе к трудовой теории стоимости — Тюрго поднялся выше теоретического уровня всех предшествовавших и современных ему французских философов-экономистов, обозначив важнейшее направление исследовательских усилий последующей классической политэкономии.

Маркс в «Немецкой идеологии» недаром дал высокую оценку многообразной деятельности Тюрго, заявив, что потомки знают его как «решительнейшего сторонника свободной конкуренции, защитника процентов, учителя Адама Смита. Тюрго был великим человеком, ибо он соответствовал своему времени»³⁰.

В приведённых словах Маркса мы находим предельно сжатую и вместе с тем очень ёмкую

характеристику Тюрго — теоретика и политика. Тюрго как защитник процентов внёс полную научную ясность в понимание значение ростовщика и банкира, показав их место в качестве полноправных участников хозяйственной жизни. Разъяснение этого вопроса французским мыслителем способствовало постепенному угасанию неразберихи мнений, касающихся данной темы. Назвав Тюрго учителем Адама Смита, Маркс охарактеризовал органическую связь учения завершителя французской классической физиократической школы с классической английской политэкономией — одним из важнейших теоретических источников марксизма.

А в качестве защитника свободной конкуренции Тюрго не только теоретически обосновал необходимость свободы предпринимательства во всех сферах хозяйствования — в интересах более интенсивного развития производительных сил, но и на посту министра провёл в жизнь ряд важных мер в нужном направлении. После его отставки реакция задушила эти ростки экономической свободы. Всё же они стали первым серьёзным прорывом буржуазии к желаемой цели в преддверии революции.

Тюрго бескомпромиссно сражался против королевского абсолютизма пером и делом. Ему пришлось отступить перед превосходящими силами. Но это отступление было временным. Знамя борьбы, выпавшее из рук Тюрго, подхватили революционеры 1789 года. Они довели борьбу до решительной развязки, осуществив важнейшие буржуазные преобразования. Тюрго в рядах просветителей готовил этот переворот, явив образ мыслителя и государственного деятеля, неуклонно толкающего исторические события вперёд к осознанной великой цели.

Тюрго и сейчас — в современном российском обществе предстаёт перед нами великим человеком, помогая постигать непростые процессы достаточно новой для нас рыночной экономики, условия её формирования и совершенствования.

Список литературы:

1. Данте. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. М.: Наука, 1968.
2. Данте. Малые произведения. Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: Наука, 1968.
3. Загладин Н.В., Симония Н.А. Всеобщая история. М.: Русское слово, 2007.
4. История Франции. М.: Крафт, 2009.
5. Кенэ Ф, Тюрго А. Дюпон де Немур. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: ЭКСМО, 2008.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 529-530.

6. Маркс К. Капитал. Том 1. М.: Госполитиздат, 1949.
7. Маркс К. Капитал. Том 2. М.: Госполитиздат, 1949.
8. Маркс К. Капитал. Том 3. М.: Госполитиздат, 1949.
9. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1955.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М.: Госполитиздат, 1955.
11. Михаленко Ю.П. Дюпон де Немур: распространение физиократических идей в условиях борьбы европейских держав за преобладание // *Философия и культура*. 2011. № 7. С. 155-182.
12. Михаленко Ю.П. Франсуа Кенэ — родоначальник физиократии // *Философия и культура*. 2010. № 7. С. 83-104.
13. Пушкин А.С. Сочинения в трёх томах. Том 2. М.: Художественная литература, 1986.
14. Тьерри О. Избранные сочинения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
15. Тюрго А. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
16. Уколова В.И., Ревякин А.В. Всеобщая история. М.: Просвещение, 2009.
17. Шекспир У. Венецианский купец. Комедия. СПб: Азбука-классика, 2009.

References (transliteration):

1. Dante. *Bozhestvennaya komediya* / Perevod M. Lozinskogo. М.: Nauka, 1968.
2. Dante. *Malye proizvedeniya. Kommentarii I.N. Golenishcheva-Kutuzova*. М.: Nauka, 1968.
3. Zagladin N.V., Simoniya N.A. *Vseobshchaya istoriya*. М.: Russkoe slovo, 2007.
4. *Istoriya Frantsii*. М.: Kraft, 2009.
5. Kene F, Tyurgo A. *Dyupon de Nemur. Fiziokraty. Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya*. М.: EKSMO, 2008.
6. Marks K. *Kapital*. Том 1. М.: Gospolitizdat, 1949.
7. Marks K. *Kapital*. Том 2. М.: Gospolitizdat, 1949.
8. Marks K. *Kapital*. Том 3. М.: Gospolitizdat, 1949.
9. Marks K. *Teorii pribavochnoy stoimosti*. М.: Gospolitizdat, 1955.
10. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. Том 3. М.: Gospolitizdat, 1955.
11. Mikhalenko Yu.P. *Dyupon de Nemur: rasprostranenie fiziokraticheskikh idey v usloviyakh bor'by evropeyskikh derzhav za preobladanie* // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 7. S. 155-182.
12. Mikhalenko Yu.P. *Fransua Kene — rodonachal'nik fiziokratii* // *Filosofiya i kul'tura*. 2010. № 7. S. 83-104.
13. Pushkin A.S. *Sochineniya v trekh tomakh*. Том 2. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
14. T'erri O. *Izbrannye sochineniya*. М.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
15. Tyurgo A. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. М.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937.
16. Ukolova V.I., Revyakin A.V. *Vseobshchaya istoriya*. М.: Prosveshchenie, 2009.
17. Shekspir U. *Venetsianskiy kupets. Komediya*. SPb: Azbuka-klassika, 2009.